

УДК 58(092)

Штрихи к портрету Р. В. Камелина

П. В. Веселова

*РГП на ПХВ «Институт ботаники и фитоинтродукции» КН МОН РК,
ул. Тимирязева 36 «Д», Алматы, 050040, Казахстан. E mail: pol_ves@mail.ru*

Ключевые слова: Рудольф Владимирович Камелин, ботаника, воспоминания.

The strokes to portrait of R. V. Kamelin

P. V. Vesselova

*RSE on RBA «Institute of Botany and Phytointroduction» of the Committee of Science of the Ministry
of Education and Science of the RK, 36 D Timiryazev Street, Almaty, 050040, Kazakhstan. E mail: pol_ves@mail.ru*

Key words: Rudolph Vladimirovich Kamelin, botany, memories.

Вполне очевиден тот факт, что я смогла изложить на бумаге свои воспоминания не так стройно и целостно, как хотелось бы. Но на то есть причина. Прошло еще очень мало времени с того момента, как не стало дорогого Рудольфа Владимировича. Еще не сложилась та безукоризненная картинка, которую можно, как готовый документ, записать на жесткий диск и доставать по мере необходимости. Однако некоторые моменты нашего общения, словно яркие мазки кисти художника, весьма отчетливо врезались в память. Кажется, это было вчера...

Я долго шла к первой встрече с Р. В. Камелиным. Еще в 1991 или в 1992 гг., будучи аспиранткой, я приехала в БИН на стажировку. Тогда мне была предложена Муслимом Смаиловичем Байтеновым тема для кандидатской диссертации «Бореальные элементы во флоре Северного Тянь-Шаня». В связи с чем я решила проконсультироваться у знатока растительности севера – Бориса Александровича Юрцева. Выслушав меня и дав пару наставлений, он сказал: «Знаете, я считаю, что Вам просто необходимо встретиться и поговорить с Рудольфом Владимировичем. Лучше него флору Средней Азии никто не знает. У него всегда много хороших идей. Поверьте, вам это

будет очень полезно». Конечно же, последовав совету Бориса Александровича, я попыталась встретиться с Рудольфом Владимировичем. Как оказалось, осуществить это намерение было совсем непросто. В тот приезд Р. В. Камелин был в отъезде и потом (вплоть до 1998 г.) еще несколько раз, когда мне удавалось выбраться в Петербург, встретиться с Рудольфом Владимировичем, к сожалению, так и не получилось. В связи с его колоссально насыщенной научной и научно-организационной жизнью пробыть к нему в то время было сложно. У кабинета, как, впрочем, и всегда, стояли желающие проконсультироваться, и их было не мало, а время, как всегда, у командировочных – ограничено. К тому времени я уже познакомилась с некоторыми работами Рудольфа Владимировича и понимала: с ученым какой величины мне предстоит разговаривать.

После защиты кандидатской диссертации, как молодому кандидату наук, немного более уверенному в своих силах, чем прежде, мне стало интересно участвовать в разного рода ботанических конференциях. На первые четыре или пять конференций «Проблемы ботаники Южной Сибири и Монголии» в Алтайском государственном университете (АлтГУ, г. Барна-

ул) я приезжала с большим трепетом. Ведь там теперь преподавал Рудольф Владимирович. В конце 2004 г. Александр Иванович Шмаков, за что я ему безмерно благодарна, предложил мне поступить в докторантуру АлтГУ к Рудольфу Владимировичу Камелину. Честно признаться, я не была уверена в том, что Рудольф Владимирович меня возьмет. Но будучи наслышана, а затем и убедившись в этом сама, что он действительно относится к выходцам из Средней Азии по-особенному, решила и написала заявление на прием в докторантуру АлтГУ. Однако жизнь опять продиктовала свое – в 2005 г. у меня умер отец, всегда вселявший в своих детей уверенность в выбранном пути – и я как-то сникла ...

И только через несколько лет, вспоминая как увлеченно, с большой надеждой и доверием Рудольф Владимирович работает с молодежью, во мне созрело решение еще раз попытаться удачу и попроситься к нему в ученики. Помню, дело было на турбазе после окончания XI съезда РБО, проходившего в Барнауле. Вечерело, но еще не смеркалось. В беседке за большим столом в окружении участников съезда Рудольф Владимирович просматривал собранный ими в походе гербарий и обсуждал видовую принадлежность растений. Сначала он спрашивал у обступивших его со всех сторон большей частью молодых людей, какой это, по их мнению, вид и почему? Затем узнавал, есть ли другие мнения. И вот когда мнения расходились, в его и без того всегда заинтересованном взгляде вдруг мелькала едва уловима искра азарта в предвкушении начала научной дискуссии. И понеслось! В силу своих энциклопедических знаний и большого научного опыта Рудольф Владимирович виртуозно управлял этим, по сути, процессом обучения, не давая уходить общению в тупиковое русло. С замиранием сердца я наблюдала за этим потрясающим действием и понимала, что где-то упустила столько времени.

Интересно, что, когда в г. Алматы узнали, у кого я собираюсь учиться, мне были высказаны самые противоречивые мнения. С одной стороны, услышав в разговоре его фамилию, почти сразу начинало сквозить недоверием. «Неужели у самого Камелина?» Ведь в научных кругах, особенно республик Средней Азии, включая Казахстан, Рудольф Владимирович заслуженно пользуется большим авторитетом. С другой стороны, речь шла о его якобы непростом, как говорили некоторые знавшие Р. В. Камелина лично коллеги, а точнее строптивом характере. Байки-

то разные ходили про его слишком горячие научные споры. Но я не была тому свидетелем. Были даже мнения типа – куда ты суешься? Да, было страшновато, но чем больше отговаривали, тем становилось интереснее. Тем более, что один из самых авторитетных для меня ученых, в частности Екатерина Ивановна Рачковская, поздравив меня, сказала: «... Тебе действительно улыбнулась удача, не упускай ее из рук».

Спустя время я поняла, о чем беспокоились «сочувствующие». Когда в беседе с Рудольфом Владимировичем меня начинало сносить не в ту сторону, а на его намеки я не реагировала, он начинал постепенно раздражаться и переходить на повышенный тон. Однако меня почему-то это никогда не смущало, возможно, потому, что сама люблю поспорить, к сожалению, даже иногда, не будучи до конца уверенной в своей правоте. А как иначе двигаться дальше, ведь именно в споре рождается истина, как бы высокопарно это не звучало. Зато наше общение не было односторонним, в смысле того, что Рудольф Владимирович говорит, а я слушаю и со всем соглашаюсь. Напротив, беседа всегда протекала очень живо. И высшим одобрением, и похвалой Учителя было для меня услышать после подчас бурного обсуждения: «Ну ладно, что еще!».

И еще пару штрихов к моему восприятию Рудольфа Владимировича мне хотелось бы сделать сразу, не сортируя воспоминания на то, что можно сказать и что не стоит говорить.

Несмотря на свое высокое положение и постоянную занятость, он был внимательным к людям. Когда я приезжала на очередную консультацию, Р. В. Камелин первым делом интересовался, как и где я устроилась. Рудольф Владимирович справлялся даже о том, не мерзну ли я в отсеке и не забываю ли сходить поесть. К тому же он был очень проницательным человеком, хорошо чувствующим настроение собеседника. Порой, улавливая каким-то образом мою усталость от обсуждения диссертационных вопросов, он вдруг переводил разговор на другую тему, а слушать его, как известно, можно было часами. Иногда мне казалось, что нет в естествознании такого предмета, о котором Рудольф Владимирович не имел бы представления и своего особого мнения.

Он проявлял неподдельный интерес и уважение к мнению непосредственного участника интересующих его событий. Например, не упускал случая поинтересоваться современным состоянием науки и образования, в частности ботанического, в Казахстане. Однажды, слушая

мой вдохновенный рассказ о наших молодых специалистах из Университета, он вдруг сказал: «А как же выпускники других вузов – аграрного, педагогического? И про них забывать не следует. Талантливые ребята есть везде! Надо расширить зону поиска перспективных кадров».

Пожалуй, ярче всего характеризует человека его отношение к своему тылу – семье. Рассказывая о Рудольфе Владимировиче, нельзя не упомянуть о его бережном и уважительном отношении

к любимой супруге. Вот звонит Ольга Петровна, и он в совершенно умиротворенном согласии и благодарности за ее любовь и постоянную заботу вежливо сворачивает беседу, смотрит на часы и говорит: «Ну, мне пора!» ...

Трудно передать на бесстрастной бумаге, всю гамму переживаний, связанных с воспоминаниями о Рудольфе Владимировиче, но в одном я уверена – встреча с таким удивительным человеком это подарок судьбы!